

Оригинальная статья
УДК 141.155; 316.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-32-44>

«Закрутить или открутить?»: либерализация и авторитарный откат как ответы центральной власти на кризис лояльности местных элит

Сергей Иванович Филиппов

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>*

Введение. Статья посвящена исследованию условий предпочтения центральной властью либерализации или авторитарного отката как ответов на социально-политическую нестабильность, в частности, низкую лояльность национальных (местных) элит. Переменной, которая объединяет и либерализацию, и авторитарный откат является уровень принуждения и насилия, применяемые центральной властью в отношении противников режима.

Методология и источники. Исследование выполнено на основании сопоставления контрастных случаев либерализации и авторитарного отката из российской истории XVII–конца XX вв.

Результаты и обсуждение. Если между противниками режима и различными общественными группами как внутри, так и вне страны относительно высокая социальная и культурная дистанция, а ресурсы повстанцев могут быть изъяты, то власть склонна в качестве ответа на вызов социально-политической нестабильности идти на авторитарный откат. Если между противниками режима и различными общественными группами как внутри, так и вне страны относительно низкая социальная и культурная дистанция, а ресурсы повстанцев рассредоточены, то власть вынуждена идти на компромисс и уступки отдельным акторам и группам из числа (потенциальных) противников режима, наступает либерализация, которая приводит к фрагментации оппозиции. В условиях нарастания внутренних противоречий в рядах своих оппонентов власть идет на силовое подавление наиболее непримиримых из них, ограничивая в том числе те права и полномочия, которые были предоставлены бенефициарам либерализации.

Заключение. Выбор центральной власти между либерализацией и авторитарным откатом как ответа на социально-политический кризис на «окраинах» обусловлен заботой о поддержании относительно высокого уровня лояльности и зависит от характера ресурсов противников режима.

Ключевые слова: циклы российской истории, лояльность, социально-политический кризис, либерализация, авторитарный откат, национальные и местные элиты

Для цитирования: Филиппов С. И. «Закрутить или открутить?»: либерализация и авторитарный откат как ответы центральной власти на кризис лояльности местных элит // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 32–44. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-32-44.

© Филиппов С. И., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

“Tighten or Loosen the Screws?”: Liberalization and Authoritarian Rollback as Responses of the Central Government to a Crisis of Local Elite Loyalty

Sergey I. Filippov

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,
filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>*

Introduction. The article explores the conditions under which the central government prefers either liberalization or authoritarian rollback as responses to socio-political instability, particularly to low levels of loyalty among national (local) elites. The key variable linking both liberalization and authoritarian rollback is the degree of coercion and violence employed by the central authority against regime opponents.

Methodology and sources. The study is based on a comparative analysis of contrasting cases of liberalization and authoritarian rollback drawn from Russian history spanning the 17th to the late 20th centuries.

Results and discussion. When the social and cultural distance between regime opponents and various societal groups – both domestic and foreign – is relatively high, and the resources of insurgents can be confiscated or neutralized, the government tends to respond to socio-political instability through authoritarian rollback. Conversely, when this distance is relatively low and the resources of insurgents are dispersed, the state is compelled to compromise and make concessions to certain actors and groups among the (potential) opponents of the regime. This leads to a phase of liberalization that results in the fragmentation of the opposition. As internal contradictions within the opposition intensify, the state resorts to the targeted suppression of its most uncompromising adversaries, including the rollback of rights and powers previously granted to the beneficiaries of liberalization.

Conclusion. The central government's choice between liberalization and authoritarian backsliding in response to socio-political crises in the periphery is driven by the need to maintain a relatively high levels of elite loyalty and depends on the nature and structure of the regime opponents' resources.

Keywords: cycles of Russian history, loyalty, socio-political crisis, liberalization, authoritarian rollback, national and local elites

For citation: Filippov, S.I. (2026), ““Tighten or Loosen the Screws?”: Liberalization and Authoritarian Rollback as Responses of the Central Government to a Crisis of Local Elite Loyalty”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 32–44. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-32-44 (Russia).

Введение. «В какую сторону крутить гайки?» – этот вопрос по праву можно отнести к числу «проклятых» русских вопросов. В социально-философской, историческо-философской и политико-философской перспективе история России воспринимается подчас как повторение одних и тех же циклов, фаз или тактов¹. В то же время, авторы многочисленных моделей и концепций циклической динамики истории России, как правило, выделяют несколько схожих фаз: реформы/либерализация («откручивание гаек») и противоположный ей авторитарный откат/реакция/контрреформы («закручивание гаек»). Неизменным спутником российской истории ока-

¹ Упомянем лишь некоторые концепции и модели циклической динамики российской истории, которые основываются на процессах различной природы. В качестве условий циклической динамики рассматриваются колебания численности различных общественных групп, прежде всего элит и народа (структурно-демографическая теория – П. Турчин, С. А. Нефедов), геополитические вызовы и ответы на них (модернизационные циклы по Р. Вишневскому, революции служилого класса по Р. Хелли, отчасти циклы реформ и контрреформ по А. Янову, концепция «колеи» российской истории Н. С. Розова), цивилизационно-культурная природа (последовательная ориентация на «старину» и «новизну» с взаимным отрицанием в дуальной модели динамики русской культуры и истории М. Ю. Лотмана) и др. «Закрутить или открутить?»: либерализация и авторитарный откат как ответы центральной власти на кризис... 33
“Tighten or Loosen the Screws?”: Liberalization and Authoritarian Rollback as Responses of the Central Government...

зывается также общественно-политический кризис. При этом, циклические модели отечественной истории не вполне учитывают полиэтническую и многоконфессиональную природу России, в частности, характер взаимодействия центральной власти с национальными (местными) элитами как одну из важнейших стратегий управления страной. Лояльность элит государству (правителю или правительству) в нашей стране всегда имела фундаментальное значение для самого ее существования, а падение лояльности различных социальных групп, в особенности национальных и местных элит, что находило выражение в протестных акциях, бунтах, восстаниях, росте общего недовольства, было серьезным вызовом центральной власти. В этом плане исследование логики фаз «либерализация» и «авторитарный откат» во взаимодействии центральной власти с национальными (местными) элитами представляется актуальным.

Взаимосвязь перечисленных фаз позволяет описать модель «вызов–ответ», предложенная А. Тойнби для исследования цивилизационной динамики и широко используемая в современном социальном и гуманитарном знании. Под вызовом понимается дискомфорт, который испытывают политические акторы [1, с. 27]. Такты «либерализация» и «авторитарный откат», таким образом, могут быть представлены как ответы центральной власти на вызов нелояльности со стороны различных социальных групп, в том числе национальных и местных элит. В каких условиях власть предпочитает в качестве ответа на социально-политическую нестабильность, в частности, низкую лояльность национальных (местных) элит «закрутить гайки», и в какой ситуации ей приходится идти на компромиссы и уступки недовольным? Ответу на данный вопрос посвящена эта статья.

Такты «либерализация» и «авторитарный откат» могут быть представлены как флуктуации значений по шкале одного (или нескольких сходных/смежных) параметров. В контексте взаимоотношений центральной власти и национальных (местных) элит наиболее показателен параметр концентрации–делегирования власти и полномочий центром элитам, что, как правило, находит выражение на институциональном уровне (органы местного самоуправления и их полномочия, национальные учреждения образования и культуры) в языковой, культурной, религиозной политике. Такт «либерализация» характеризуется созданием институтов национального (местного) самоуправления/расширением полномочий, представительством на общегосударственном уровне, развитием образования, СМИ, литературы на национальных языках. Такт «авторитарный откат» (контрреформы) характеризуется низкой толерантностью к протестам, критике режима, сворачиванием автономии национальных территорий, уменьшением полномочий местных институтов/их ликвидацией, сужением сферы использования и статуса национальных языков. Такие меры, как правило, предполагают относительно широкое применение принуждения и насилия военно-полицейским и административным аппаратом государства, а социально-политические процессы, характерные для такта «либерализация», напротив, ограничение насильственно-принудительной активности и институтов, которые ее осуществляют².

² Либерализация далеко не всегда предполагает всеобщего роста свобод, прав, политического участия и т. д. Бенефициарами, как правило, являются лишь некоторые общественные группы/акторы. Например, обретение прав и привилегий польской шляхтой в XIV–XVI вв. сопровождалось закрепощением крестьян и усилением их эксплуатации той же шляхтой. В шляхетской республике, которую называли также «крестьянским адом» крепостное право было, пожалуй, одним из самых жестоких в Европе [2, с. 279–327]. Напротив, рост участия крестьян в местном самоуправлении и наделении их земель в 1864 г. в Царстве Польском происходило за счет ограничения власти и влияния, а также имений польских помещиков. При этом наиболее пострадавшим социальным слоем была безземельная (чиншевая) шляхта, арендующая землю у помещиков. В процессе земельного передела помещики жертвовали именно наделами чиншевиков, сгоняя их с земли и лишая средств к существованию [3, с. 694–702].

Таким образом, переменной, которая объединяет и либерализацию, и авторитарный откат является уровень принуждения и насилия, применяемые центральной властью в отношении противников режима.

Общая гипотеза предпочтения ответов на кризис. В периоды кризиса падает легитимность и лояльность по отношению к власти в разных социальных масштабах – от общенационального до локального уровня. Заботой центральной власти в условиях кризиса является сохранение собственной легитимности и относительно высокого уровня лояльности, прежде всего со стороны наиболее влиятельных акторов. Общая гипотеза «принуждения к лояльности» основана на неовеберианских представлениях о *базовых социальных заботах* [4, с. 17–35], к числу которых относятся приемлемый социальный статус и символический престиж (честь, достоинство, причастность к сакральным символам того или иного сообщества), безопасность, материальное или экономическое благополучие, участие в принятии решений (причастность к власти). Если в условиях кризиса применение насилия центральной властью против ее противников воспринимается значимыми акторами и/или социальными группами вне и внутри страны как действия, направленные на обеспечение безопасности, восстановление легитимного порядка, то следует такт «авторитарный откат». Если применение силы для подавления протестов, напротив, воспринимается как произвол и незаконное насилие, нарушающее права подданных/граждан, то власти приходится идти на компромисс с различными группами, поддерживающими протест, и следует такт «либерализация». Если насильственное подавление протеста не успешно, длится продолжительное время, сопровождается существенными издержками (высокие потери, в том числе среди гражданского населения), власть воспринимается как инстанция, которая не в состоянии обеспечить безопасность и легитимный порядок в том числе, и ее поддержка падает, следует также такт «либерализация».

Методология и источники. Для проверки общей гипотезы предпочтения ответов на вызовы, связанные с социально-политическим кризисом, и ее уточнения были рассмотрены контрастные случаи, сходные друг с другом по некоторым существенным параметрам (временной период, регион, социально-политические условия и т. д.), но отличающиеся по уровню применения насилия и принуждения властью по отношению к противникам режима – случаи либерализации и авторитарного отката (см. табл.).

Результаты и обсуждение. В процессы обобщения объяснений предпочтения ответов того или иного типа (либерализация или авторитарный откат) на социально-политический кризис были получены следующие результаты. Восприятие насильственно-принудительных действий власти против ее противников как мер, направленных на восстановление легитимного порядка или, напротив, как проявление произвола зависит от социальной и культурной дистанции между противниками режима («бунтовщиками с окраин») и мерой отчуждения между ними и социальным окружением. Поддержка принудительно-насильственных мер власти против «бунтовщиков с окраин» тем больше, чем выше социальная и культурная дистанция³ между противниками режима и акторами/социальными группами внутри страны и за

³ Под социальной и культурной дистанцией понимается переменная, включающая различные степени сходства-отличия между различными индивидами/группами в лингвистическом, религиозном, сословно-классовом, мировоззренчески-ценностном отношении и др. – от ощущения общности до отчуждения.

рубежом. Напротив, если противники режима воспринимаются населением и элитами в качестве «своих» – социально и культурно близких – то действия власти по силовому подавлению протеста, напротив, не будут поддержаны.

Пары контрастных случаев
Pairs of contrasting cases

Случаи либерализации	Случаи авторитарного отката
Политика «примирения с поляками» Александра II (1861–63 гг.)	Подавление польского восстания после детронизации Николая I сеймом (февраль 1831 г.) Подавление польского восстания (1863–1864)
Уступки крестьянам Западного края (1863) и Царства Польского (1864)	Меры по ограничению «польского влияния» в Западном крае после 1864 г.
«Послабление полякам» (П. А. Столыпин) (1905–1907)	Меры по ограничению «польского влияния» в Царстве Польском и Западном крае (1907–1914)
Инкорпорация вольных казаков в сословную систему Российской империи (конец XVIII–начало XIX в.) ⁴	Подавление казачьих восстаний на Дону и Яике XVII–XVIII вв.
Политический кризис в Прибалтике (конец 1980-х–начало 1990-х гг.)	Подавление выступления казахской молодежи («Желтоксан», 1986 г.)

Имперская власть и поляки: компромиссы и взаимное отчуждение. Пример влияния социальной и культурной дистанции на предпочтение стратегии преодоления кризиса демонстрирует тактика правительства по отношению к мятежным полякам во время восстания 1830–1831 гг. и в период нарастания общественно-политического кризиса в Царстве Польском с 1860 по 1864 г. Вооруженное подавление восстания в 1831 г. не вызвало серьезных протестов со стороны ведущих держав: Николай I перед восстанием никак не ограничивал автономию Польши, продолжая политику своего брата. Напротив, детронизация Николая польским сеймом в феврале 1831 г. воспринималась как нарушение принципа легитимизма, принятого Венским конгрессом.

Международная ситуация в начале 1860-х гг. была иной. Как общественное мнение, так и позиция правительств ведущих европейских держав, особенно Франции, были на стороне поляков в их противостоянии с империей. Эти симпатии подпитывались польской эмиграцией, оказавшейся во Франции после подавления восстания 1831–1832 гг. Некоторые ее представители активно развивали и пропагандировали идеи о цивилизационной противоположности европейцев, включая поляков, с одной стороны, и русских – с другой. Публицист и этнограф Ф. Духинский, переселившийся во Францию в 1846 г. и сделавший там научную карьеру, выдвинул идею об особой неевропейской «туранской» цивилизации, к которой принадлежат русские. По его мнению, русские – потомки урало-алтайских племен, их европеизация («славянизация») весьма поверхностна, а различия между поляками и русинами (украинцами и белорусами) – с одной стороны и русскими – с другой непреодолимы [5, с. 16]. Идеи о том, что поляки-европейцы являются жертвами тирании Турана-Москвы, приобрели известность и популярность в Европе. Англия, Франция и Австрия требовали уступок полякам и возвра-

⁴ Ликвидация казачьего самоуправления сопровождалась присвоением казачьей старшине привилегий и прав российского дворянства, простые казаки получили землю – ресурс, позволяющий обеспечить надежное благосостояние, не прибегая к разбою. Таким образом, социальный статус и имущественное положение многих представителей казачества улучшались, а представители верхушки упрочили свою власть и влияние. Таким образом, данное явление в истории взаимоотношения казаков и власти может быть обозначено как либерализация.

шение к конституции 1816 г. [6, с. 400], выдвинув в июне 1863 г., по сути, ультимативные требования России. Восставшие надеялись на интервенцию держав. Опасаясь обострения на международной арене, власть была ограничена в применении насильственных средств борьбы с протестами, придерживаясь политики компромиссов и уступок некоторым группам польских элит (маркиз Велепольский и его окружение), а также крестьянам Западного края и Царства Польского за счет польских помещиков. Таким образом, властям удалось существенно ослабить позиции противников режима, внося раскол в их ряды и лишив восстание потенциальной социальной базы – поддержки крестьянства.

Тем не менее правительство предпринимало также жесткие военно-полицейские меры для подавления восстания 1863–1864 гг., которые находили поддержку у различных социальных групп российского общества. Русское общественное мнение относилось к полякам с большой долей настороженности и недоверия. В глазах русской администрации и культурных элит XIX в. Польша ассоциировалась с «вредоносным» влиянием на язык, культуру и идентичность восточнославянского населения, оказавшегося в сфере политического контроля Речи Посполитой. Опасаясь распространения сепаратизма и революционных идей из Польши, Николай I даже предлагал отказаться от территорий за Вислой и Нарвой в пользу Пруссии и Австрии, но эти державы проект отвергли [7, с. 36].

Вероломное нападение восставших поляков на русских военнослужащих в январе 1863 г. вызвало взрыв негодования в России. Александру II поступали адреса поддержки от всех слоев и множества социальных групп империи – крестьян, студентов и университетской профессуры, старообрядцев, молокан, карабахских беков, ногайцев [8, с. 502–503]. Те немногие, кто выражал солидарность с восставшими, были маргинализированы. А. Герцен открыто в своем «Колоколе» поддержал восстание, но его позиция вызвала неприятие в русском обществе (даже Н. Г. Чернышевский выступал с критикой восстания, подчеркивая его дворянский характер). Тираж «Колокола» снизился до 500 экз. к зиме 1863 г. (с 2500–3000 экз. до восстания) [9, с. 312–315]. Эффективные силовые меры по подавлению польского восстания 1863–1864 гг. нашли широкую поддержку внутри страны и увеличили легитимность центральной власти и лояльность по отношению к ней многих социальных групп Российской империи.

Таким образом, высокая степень взаимного социального и культурного отчуждения между русскими и поляками обусловила широкую поддержку силового подавления обоих польских восстаний, а также мер по ограничению польского влияния на западе Российской империи (ликвидация автономии Царства Польского, ограничительные меры по отношению к польскому языку и образованию на нем и др.). В то же время относительно высокая степень солидарности с восставшими среди населения и правительств ведущих европейских держав, угрожавших России военным вмешательством, обусловила политику компромисса и уступок власти по отношению к некоторым группам польских элит и населения в 1861–1864 гг.

Молодежь из общезжитий и поющие интеллигенты: протесты в позднем СССР и ответы центральной власти. Еще один пример влияния социальной и культурной дистанции между противниками власти и социальным окружением на предпочтение того или иного типа ответа на вызов нелояльности (силовое подавление или компромиссы) представляют протесты второй половины 1980-х–начала 1990-х гг., в частности, молодежные выступления в Алма-Ате в декабре 1986 г. и протесты в Прибалтике. Выступление казахского студенчества

против назначения первым секретарем компартии Казахстана бывшего секретаря Ульяновского обкома было жестко подавлено силами МВД, КГБ, курсантами военных училищ при активном содействии местных жителей – рабочих дружин и представителей «партхозактива». В глазах казахских элит и населения республиканской столицы протестующие студенты, проживающие преимущественно в общежитиях столичных вузов, воспринимались в качестве хулиганов, буквально говорящих на другом языке (казахская элита и горожане были, преимущественно, русскоязычными – в конце 1980-х. гг. 40 % казахов не владели (или почти не владели) родным языком [10, р. 326]). Жесткие действия власти воспринимались как спасение законопослушных обывателей от «подворотни», казахские элиты не предприняли никакой попытки использовать молодежные волнения для уменьшения влияния Москвы на внутренние дела республики, союзный центр провел масштабные чистки республиканских партийно-хозяйственных кадров под предлогом борьбы с национализмом.

Напротив, стремление к независимости прибалтийских республик поддерживало как большинство коренного населения, так и многие русскоязычные (на референдуме 3 марта 1991 г. по вопросу о независимости Латвии «за» высказались 73,68 %, в том числе, как минимум, 33 % представителей некоренного населения, [11, р. 78].), а также местные милиция, прокуратура и КГБ. Солидарность с протестами выражали многие советские граждане и за пределами Прибалтики: 20 января на Манежную площадь в Москве вышли до 300 тыс. чел., протестующих против попытки использования армии в Вильнюсе. Советские горожане воспринимали протестующих из прибалтийских республик как социально и культурно близких, таких же интеллигентных людей, в том числе русскоязычных, придерживающихся высококультурных и цивилизованных форм выражения своего протеста, например, в виде организации певческих фестивалей, а действия силовиков – как неоправданную жестокость [12]. Руководство СССР дистанцировалось от «событий» в Вильнюсе и Риге, отказавшись впоследствии от применения силы против борцов за независимость.

«Приемы против лома» – институциональные условия эффективного противостояния повстанцев власти. Если силовое подавление протестов занимает продолжительное время и сопряжено с существенными издержками (значительные потери среди мирно настроенного населения и др.), то власть воспринимается как инстанция, которая не может обеспечить безопасность подданным/гражданам и легитимный порядок на государственной территории, и лояльность в отношении нее среди различных социальных групп падает. Провалы силового подавления протеста увеличивают моральный дух и солидарность протестующих, их поддержку среди различных общественных групп. Каким образом заведомо слабая сторона (повстанцы) может эффективно противостоять более сильной стороне (правительству)? Если степень концентрации ресурсов⁵ повстанцев относительно высока, эти ресурсы могут быть изъяты и/или уничтожены, то власть склонна использовать насильственно-принудительные средства борьбы (депортации населения, поддерживающего восставших, военные операции против вооруженных формирований, выявление и уничтожение цепочек поставок, руко-

⁵ Вслед за М. Манном, представителем неовеберрианской социологической традиции, выделим следующие основные типы ресурсов: организационные (лояльные и дисциплинированные группы, властные полномочия), экономические, символические (легитимность, причастность к значимым ценностям и символам) и силовые [13, с. 59–68; 1, с. 51].

водителей восстания и т. д.). Если ресурсы, используемые повстанцами рассредоточены и/или не могут быть изъяты (широкая общественная поддержка, природные условия – судоходные реки в регионах расселения казаков, горы, где эффективное использование регулярных армий затруднено и т. д.), то силовое подавление сопряжено с существенными издержками, а власть вынуждена идти на компромисс с восставшими, интегрировать некоторых акторов в систему управления, предоставлять полномочия в обмен на лояльность.

Разновидностью организационных ресурсов, которые позволяют противостоять хорошо вооруженным и организованным военно-полицейским силам государства, выступают небольшие мобильные самоуправляющиеся группы (эгалитарные военизированные сообщества⁶). Условием складывания и существования таких сообществ является появление и распространение технологий, которые могут успешно применяться в силовом противостоянии с властью и/или для извлечения ресурсов⁷. Подобными технологиями, например, стали легкие маневренные суда, благодаря которым вольные казаки совершали успешные набеги на соседние территории и легко уходили от карательных экспедиций, динамит, появление которого стало условием включения в революционную борьбу «образованных» социальных групп (студентов) – ведь изготовление взрывчатки предполагает достаточно высокий уровень технических знаний. Распространение индивидуального стрелкового оружия на Кавказе стало условием освобождения горских племен как от внешнего контроля со стороны тяжеловооруженных кабардинских всадников, так и от собственной знати в XVIII в. [15, с. 148–151]. В результате, например, горные районы Дагестана превратились в территорию фактически ни от кого не зависящих самоуправляющихся общин и их союзов [16, с. 196–203].

Рассмотрим зависимость успеха противостояния с государственной властью от степени концентрации ресурсов на примере польских восстаний 1831–1832 и 1863–1864 гг. и истории сложных взаимоотношений царской власти и вольных казаков (XVII–XVIII вв.). Во время польского восстания 1831–1832 гг. друг другу противостояли две регулярные армии – Российской империи и Царства Польского. Более сильная и обладающая большим опытом царская армия в нескольких сражениях нанесла поражение польской армии, на этом восстание было подавлено. В 1863–1864 гг. ситуация была иной. Сопrotивление приняло форму партизанской борьбы и городского террора силами небольших групп и отдельных индивидов, и только военно-полицейских сил правительства оказалось явно недостаточно, чтобы подавить восстание. Условия для победы над собой создали отчасти сами восставшие. В октябре 1863 г. диктатором восстания был провозглашен Р. Траугутт, офицер царской армии в отставке. Ему удалось подчинить единому командованию разрозненные отряды повстанцев, а также централизовать управление восстанием. В апреле 1864 г. Траугутт был выдан одним из соратников, после ареста его и ближайших сподвижников общая координация сопротивления была нарушена, и боестолкновения практически прекратились в мае 1864 г. [17, p. 265–267].

⁶ Нормы поведения и ценности, характерные для эгалитарных сообществ – обостренное чувство собственного достоинства, агрессивность как средство демонстрации статуса – обуславливают относительно низкую лояльность членов данных сообществ по отношению к государственной власти. Более подробно о взаимосвязи между типом обеспечивающего сообщества и лояльностью см. [14, с. 9–11].

⁷ Исследование влияния технологического прогресса, прежде всего в военной сфере, на формы социальной жизни имеет давнюю традицию в отечественной и зарубежной истории, макросоциологии и философии. Представителями данной традиции выступают, в частности, И. М. Дьяконов, С. А. Нефедов, В. Макнил, Ч. Тилли и др.

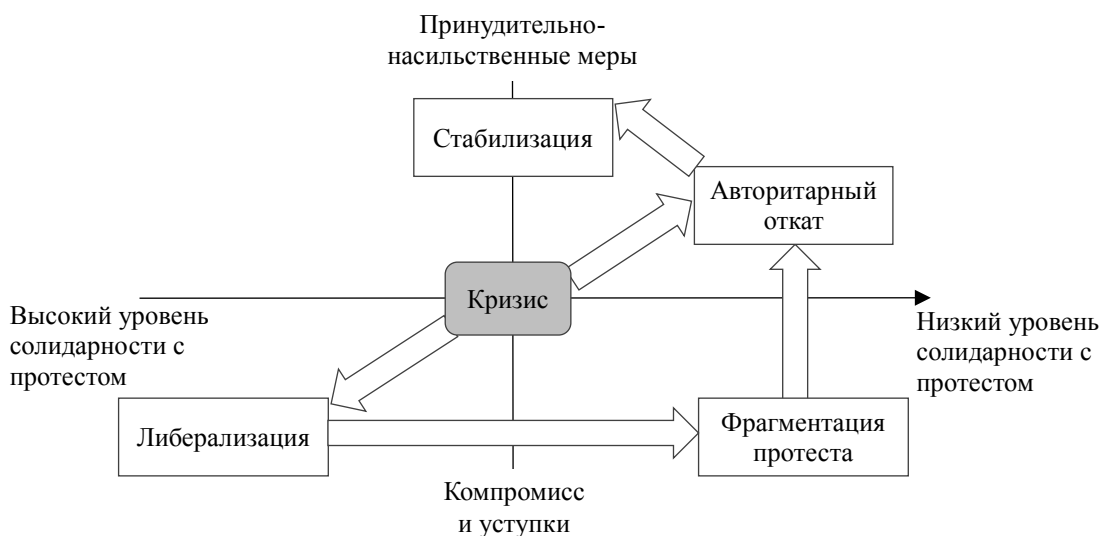
«Закрутить или открутить?»: либерализация и авторитарный откат как ответы центральной власти на кризис... 39
“Tighten or Loosen the Screws?»: Liberalization and Authoritarian Rollback as Responses of the Central Government...

Казацкие восстания XVII–XVIII вв. неизменно подавлялись, но подчинить казаков военными средствами власть так и не смогла: вооруженные силы России, Персии, Османской империи оказались недостаточно эффективны против множества быстроходных судов, которые внезапно нападали на торговые корабли и прибрежные поселения и, рассредоточившись, стремительно уходили от погони. Превратить бунтарей в лояльных слуг престола удалось, только пойдя на компромисс с ними и переориентировав на иной вид деятельности, что привело к трансформации типа сообщества, обеспечивающего базовые социальные заботы казачества – из военизированных эгалитарных сообществ в иерархические структуры государственной службы. В конце XVIII в. казацкая старшина инкорпорируется в российское дворянство, зачисляясь на офицерские должности в военной и статской службе, а простые казаки образуют военно-земледельческое сословие [18, с. 23]. После того, как они сходят со своих челнов и «чаек», обустроиваясь на земле, коренным образом меняется структура казацкого социума: из множества мобильных автономных групп казаки становятся оседлым населением, ориентированным на государственную службу, растет социальная дистанция между мобилизованной элитой, усвоившей нормы жизни имперского дворянства и связанной родственными узами в результате заключения брачных союзов с русскими дворянскими родами [19] и простыми казаками-земледельцами. Не удивительно, что упразднение автономии казацких войск от Днепра до Яика не вызывает существенного сопротивления. Не очень многочисленные недовольные переселяются на территорию Османской империи, образуя Задунайскую сечь (1775).

«Пряник, затем кнут или сразу кнут?» – последовательность ответов на вызов общественно-политической нестабильности и неустойчивость либерализации. В российской истории едва ли можно обнаружить примеры сколько-нибудь продолжительной и успешной либерализации. Н. С. Розов отмечает, что ни одна «либерализация» в России не привела к долговременному успеху общества и государства, каждый раз за ней следовали острые конфликты, недовольство многих групп и слоев населения, что в скором времени приводило к авторитарному откату [1, с. 145]. Почему это происходит? Реализация мер, которые относятся к такту «либерализация» – предоставление социально-политических и экономических прав и полномочий различным акторам и социальным группам из числа (потенциальных) оппонентов режима создает условия для успеха такта «авторитарный откат». Бенефициары либерализации становятся союзниками власти и выглядят предателями в глазах тех, кого она обошла стороной. Видя уступки власти, некоторые симпатизанты протеста меняют свою позицию, отказывая в поддержке непримиримым противникам режима. Таким образом, социальная и культурная дистанция между последовательными противниками режима и другими социальными группами увеличивается, и правительство переходит к силовому подавлению «непримиримых», не встретив широкого общественного осуждения. Затем в значительной мере сворачиваются те уступки, на которые власть была вынуждена пойти ранее. Примером такой последовательности тактов «либерализация» и «авторитарный откат» демонстрирует преодоление острого социально-политического кризиса в Царстве Польском с период с 1861 по 1864 г. Опасаясь обострения ситуации у западных границ и возможного вмешательства европейских держав, правительство идет на компромиссы с

польскими элитами, польским, украинским и белорусским крестьянством: воссоздается польское правительство в форме Государственного совета Царства Польского под руководством А. Велепольского, должности в местной администрации замещаются поляками, восстанавливаются высшие учебные заведения. Такая политика вносит раскол в польские элиты, которые разделились на сторонников примирения с империей и непримиримых противников русской власти. Эти две «партии» жестко противостояли друг другу: поводом для начала январского восстания 1863 г. стал рекрутский набор в Царстве Польском, благодаря которому маркиз Велепольский планировал избавиться от своих противников [6, с. 448–449]. Чтобы лишить восставшую шляхту социальной базы, правительство предоставляет крестьянам Западного края и Царства Польского существенные льготы: в 1863 г. увеличиваются земельные наделы литовских и белорусских крестьян, а выкупные платежи снижаются на 20 % [20, с. 155, 301], польские крестьяне по указу 19 февраля 1864 г. объявлялись владельцами всей земли, которую они обрабатывали [21, с. 187], везде крестьянское население получало самоуправление. После либерализации, результатом которой стала фрагментация, взаимные конфликты и ослабление польских элит, последовал авторитарный откат. С 1864 г. деполонизируется управление Царством Польским, Привисленский край (так стали называть Царство Польское после восстания) лишается автономии (в 1874 г. институт наместника Царства Польского заменяется должностью генерал-губернатора), в Западном крае проводится политика обрусения, польский язык там запрещается в официальном обиходе и вытесняется из системы образования: вместо польской Высшей школы в Варшаве создается университет с преподаванием только на русском языке) [там же, с. 192].

Новая либерализация на западных окраинах Российской империи происходит почти 50 лет спустя. В 1905 г. в условиях роста революционных выступлений в различных регионах Российской империи, в том числе в Польше, и при недостатке сил для подавления революции власть вынуждена идти на уступки – разрешить некоторые политические партии и участие в политической жизни империи их представителям, объявить веротерпимость, отменить цензуру и др. Легальную деятельность начала, в том числе Демократически-национальная партия Царства Польского во главе с Р. Дмовским, выступающая за широкую автономию Польши в составе Российской империи, но в результате компромисса с центром. Социал-демократы и социалисты во главе с Ю. Пилсудским всякий компромисс с властью категорически отвергали. Произошел глубокий раскол в польском национальном движении. Во время восстания в Лодзи в 1906 г. бои с восставшими вели не только царские войска, но и сторонники Р. Дмовского, воспринимающие непримиримых борцов за независимость в качестве провокаторов [22, с. 35–37]. В условиях перехода части польских элит на сторону власти в обмен на инкорпорацию в новую политическую систему и кризиса непримиримых сторонников независимости Польши царское правительство в 1907 г. переходит к ревизии компромисса: сворачивается деятельность по организации национальных польских школ, запрещается деятельность польских просветительских обществ в Западном крае, из Царства Польского выделяется Холмская губерния [22, с. 47–48]. Последовательность тактов «либерализация» и «авторитарный откат» как ответов на социально-политический кризис иллюстрирует рисунок.

Фазовая модель последовательности тактов «либерализация» и «авторитарный откат» как ответов на кризис
Phase model of the sequence of “liberalization” and “authoritarian rollback” steps as responses to the crisis

Заключение. Предпочтение властью в качестве ответов на вызов социально-политического кризиса принудительно-насильственных мер в отношении своих противников (авторитарный откат) или уступок некоторым из оппонентов режима (либерализация) зависит от социальной и культурной дистанции между противниками режима и социальным окружением как внутри, так и вне страны. Если между противниками режима (повстанцами) и различными общественными группами как внутри, так и вне страны относительно высокая социальная и культурная дистанция и взаимное отчуждение, а ресурсы повстанцев могут быть изъяты, то власть склонна применять принудительно-насильственные меры против своих противников, что приводит к росту поддержки власти, подавлению недовольства и общей стабилизации ситуации.

Если между противниками режима и различными общественными группами как внутри, так и вне страны относительно низкая социальная и культурная дистанция, ресурсы повстанцев рассредоточены, то власть вынуждена идти на компромисс и уступки отдельным акторам и группам из числа (потенциальных) противников режима, наступает либерализация, которая приводит к фрагментации оппозиции. В условиях нарастания внутренних противоречий в рядах своих оппонентов власть идет на силовое подавление наиболее непримиримых из них, ограничивая в том числе те права и полномочия, которые были предоставлены бенефициарам либерализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розов Н. С. Колея и перевал. М.: РОССПЭН, 2011.
2. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. И. Куриллы. М.: Территория будущего, 2010.
3. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / пер. с фр. М. Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
4. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3: Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы / пер. с англ. Д. Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Дело, 2020.
5. Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. Хорев В. А. М.: Индрик, 2000.

6. Любавский М. К. История западных славян. М.: Вече, 2018.
7. Комзолова А. А. Политика императора Николая I в отношении униатской церкви и польское восстание 1830–1831 годов // Ортодоксия. 2024. № 4. С. 30–51. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-30-51.
8. Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование: в 2 т. Т. 1. М.: Академ. проект. 2018.
9. Эльсберг Я. Е. Герцен: жизнь и творчество. М.: Художественная литература, 1963.
10. Sarsembayev A. Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990s // Central Asian Survey. 1999. Vol. 18, no. 3. P. 319–346.
11. Dreifelds Ju. Latvia in Transition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.
12. Филиппов С. И. Феномен «бегства» советских элит в ряды оппозиции в конце 1980-х – начале 1990-х гг: макросоциологический анализ // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 2. Ч. 1. С. 92–109. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-92-109.
13. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. / пер. с англ. Д. Ю. Карасева. М.: Дело, 2018.
14. Филиппов С. И. Капитан Копейкин на распутье: условия (не)лояльности элит государственной власти в России // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20.
15. Дерлугьян Г. М. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2013.
16. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988.
17. Davies N. God's playground: A History of Poland. In 2 Vol. Vol. 2. 1795 to the Present. NY: Columbia Univ. Press, 2006.
18. Мальцев Д. Как готовили «поход на индус» // Родина. 2011. № 7. С. 22–24.
19. Киселёв М., Лазарев Я. Казацкая элита: между двумя идентичностями // Воронцово поле. 2023. № 4. URL: <https://vorontsovoполе.ru/rubriki/vlast-istorii-istoriya-vlasti/kazatskaya-elita-mezhdu-dvumya-identichnostyami> (дата обращения: 19.07.2025 г.)
20. Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
21. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная, О. В. Будницкий, М. Д. Долбилов и др. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
22. Польша в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012.

Информация об авторе.

Филиппов Сергей Иванович – кандидат философских наук (2003), доцент кафедры романо-германской филологии Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, д. 2, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 54 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, лояльность, межкультурные взаимодействия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 22.07.2025; принята после рецензирования 21.10.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.*

REFERENCES

1. Rozov, N.S. (2011), *Koleya i pereval* [Track and Pass], ROSSPEN, Moscow, RUS.
2. Anderson, P. (2010), *Lineages of the Absolutist State*, Transl. by Kurilla, I., Territoriya budushchego, Moscow, RUS.
3. Beauvois, D. (2011), *Gordiev Uzel Rossijskoj imperii. Vlast', sljahta i narod na Pravoberežnoj Ukraine (1793-1914)* [Le nœud gordien de l'Empire russe: le pouvoir, la noblesse polonaise et le peuple en Ukraine de la rive droite (1793–1914)], Transl. by Krisan', M., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
4. Mann, M. (2020), *The Sources of Social Power. 4 t. Vol. 3: Global Empires and Revolution, 1890-1945*, Transl. by Karasev, D.Yu., in Moiseev, S. (ed.), Delo, Moscow, RUS.

5. Khorev, V.A. (ed.) (2000), *Polyaki i ruskie v glazakh drug druga* [Poles and Russians in each other's eyes], Indrik, Moscow, RUS.
6. Lyubavskii, M.K. (2018), *Istoriya zapadnykh slavyan* [History of the Western Slavs], Veche, Moscow, RUS.
7. Komzolova, A.A. (2024), "Policy of the emperor Nicholas I towards the Uniate church and the polish uprising 1830-1831", *Orthodoxy*, no. 4, pp. 30–51. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-30-51.
8. Tatishchev, S.S. (2018), *Imperator Aleksandr II, ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander II, his life and reign], in 2 vol., vol. 1, Akadem. proekt, Moscow, RUS.
9. Elsberg, Ya.E. (1963), *Gertsen: zhizn' i tvorchestvo* [Herzen: Life and Work], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR.
10. Sarsembayev, A. (1999), "Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990s", *Central Asian Survey*, vol. 18, no. 3, pp. 319–346.
11. Dreifelds, Ju. (1997), *Latvia in Transition*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, USA.
12. Filippov, S. (2021), "The "Flight" of Soviet Elites to Opposition in the Late 1980s – Early 1990s: Macro-Sociological Analysis", *Ideas and Ideals*, vol. 13, iss. 2, pt. 1, pp. 92–109. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-92-109.
13. Mann, M. (2018), *The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to Ad 1760*, Transl. by Karasev, D.Yu., Delo, Moscow, RUS.
14. Filippov, S.I. (2025), "Conditions of (Dis)Loyalty of Elites to the State Authorities in Russia", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20.
15. Derlug'yan, G.M. (2013), *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this World Works. Sketches on Macrosociological Topics], Izd-vo in-ta Gaidara, Moscow, RUS.
16. Aglarov, M.A. (1988), *Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v* [A rural community in Mountainous Dagestan in the 17th – early 19th century], Nauka, Moscow, USSR.
17. Davies, N. (2006), *God's playground: A History of Poland. Vol. 2: 1795 to the Present*, Columbia Univ. Press, NY, USA.
18. Mal'tsev, D. (2011), "How they prepared a "campaign to the Hindu"", *Rodina*, no. 7, pp. 22–24.
19. Kiselev, M. and Lazarev, Ya. (2023), "Cossack elite: between two identities", *Vorontsovo pole*, no. 4, available at: <https://vorontsovopole.ru/rubriki/vlast-istorii-istoriya-vlasti/kazatskaya-elita-mezhdu-dvumya-identichnostyami> (accessed 19.07.2025).
20. Smirnov, A.F. (1963), *Vosstanie 1863 goda v Litve i Belorussii* [The Uprising of 1863 in Lithuania and Belarus], Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR.
21. Berezhnaya, L.A., Budnitsky, O.V., Dolbilov, M.D. et al. (2007), *Zapadnyye okrainy Rossiyskoy imperii* [Western Outskirts of the Russian Empire], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, RUS.
22. Noskova, M. (ed.), (2012), *Pol'sha v XX veke: ocherki politicheskoy istorii* [Poland in the 20th century: essays on political history], Indrik, Moscow, RUS.

Information about the author.

Sergey I. Filippov – Can. Sci. (Philosophy, 2003), Associate Professor at the Department of Romano-Germanic Philology, Novosibirsk State University, 2 Pirogova str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 54 scientific publications. Area of expertise: social and political philosophy, loyalty, intercultural interactions.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.07.2025; adopted after review 21.10.2025; published online 20.02.2026.